

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Последний
путь
под венец

Елена Логунова
Последний путь под венец
Серия «Елена и Ирка», книга 16

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3001505
Последний путь под венец: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-54926-9

Аннотация

Тележурналистка Елена легла в клинику красоты, но спокойно заняться своей внешностью ей не дали – какой-то странный толстяк в спортивном костюме внезапно заинтересовался содержимым Лениного кошелька, причем нужны ему были исключительно... мелкие монеты! Ночью толстяк попытался проникнуть в ее палату, но в темноте позорно напоролся на вилку и сам загремел на больничную койку. А когда Лена уже вернулась домой, к ней явился некто в черном и выстрелил в ее подругу Ирку из травматического пистолета. Только Ирку резиновыми пулями не возьмешь, и уж теперь-то боевые дамочки на уши встанут, но выяснят, что все это значит!

Елена Логунова

Последний путь под венец

– Ну-ну, не волнуйтесь! – сказал мне доктор и улыбнулся так тепло, проникновенно и искренне, что я немедленно заволновалась.

Несмотря на вполне заслуженную репутацию светила пластической хирургии, доктор Синельников был вызывающе молод и возмутительно хорош собой.

«А при его работе иначе и нельзя! Знаешь такое выражение – «торговать лицом»? Это как раз про нашего дорогого Виктора Васильевича!» – внутренний голос умерил мое болезненное волнение здоровым цинизмом.

– Все будет хорошо! Вот тут станет ровно, тут гладко, а тут я все соберу, отрежу и подошью!

Доктор длинными чуткими пальцами изобразил пару сложных завитушек у моего лица, а затем тактично притушил сияние ослепительной улыбки.

– Но должен вас предупредить, что природную асимметрию вашего лица я, разумеется, не исправлю.

– Природную асимметрию? – встревоженно повторила я, покосившись на тонированную дверцу аптечного шкафчика.

В золотисто-коричневом стекле отразилась немного испуганная, но вполне симпатичная физиономия без ярко выраженных дефектов, если не считать таковыми глубокие и тем-

ные круги под глазами. Но как раз их Виктор Васильевич обещал бесследно разогнать магическими пассами со скальпелем.

– Конечно!

Доктор снова ласково улыбнулся.

– Она есть у всех. Вот у вас, например, один глаз чуть крупнее другого, он более выпуклый, его внешний уголок расположен немного выше, да и правая бровь заметно приподнята, тогда как левая скула...

– Достаточно!

Я поспешила остановить инвентаризацию непоправимых дефектов моего лица прежде, чем неосторожные слова излишне зоркого и честного доктора приведут меня к пораженческой мысли, что в данном случае имеет смысл использовать уже не скальпель, а гильотину.

– Бог с ней, с моей природной асимметрией...

«Ах, так, значит, у тебя есть природная асимметрия?! – заинтересованным эхом повторил мой внутренний голос. – Ну, теперь хотя бы понятно, почему тебе всегда так трудно подобрать новые туфли: если левая впору, то правая обязательно жмет! Все, впредь никаких претензий к производителям обуви, это не у них локтевые суставы совмещены с тазобедренными, это все твоя собственная природная асимметрия!»

Я намертво задавила желание учинить запоздалые разборки и выяснить, к кому же я все-таки могу быть в претен-

зии по поводу своей асимметрии. В воображении, однако, промелькнул пугающий образ дородной акушерки, с размаху прикладывающей новорожденное дитяtko к тугой материнской груди.

Повзрослевшее дитяtko в моем лице сурово насупилось и твердо сказала:

– Все. Хватит. Я уже готова!

– Насколько готовы? – Виктор Васильевич испытующе прищурился.

– На все сто! – заверила я и придвинула к нему полностью оплаченный счет из кассы клиники.

Я уже настроилась на превращение из гадкого утенка в прекрасного лебедя.

– Тогда порисуем?

Доктор с готовностью выдернул из нагрудного кармана халата синий маркер. Я закрыла глаза и подставила физиономию.

Перед пластической операцией пациентов всегда разрисовывают, как индейцев, вступающих на тропу войны. Хирурги утверждают, что подобие татуировки необходимо им в качестве трафарета, однако я подозреваю, что это не вся правда. По-моему, операционной бригаде так намного веселее работать!

Я и сама не удержалась от нервного смешка, увидев свое лицо после того, как Виктор Васильевич вдохновенно расписал его маркером.

Художество знаменитого доктора по стилю соответствовало бессмертному детскому шедевру «Точка, точка, запятая – вышла рожица кривая», но по сложности превосходило его в разы. Это в самом скором будущем однозначно обещало моей рожице кривизну головокружительных «Американских горок».

Я уже имела некоторое представление о том, какой эффектной будет моя внешность непосредственно после операции.

В двухместном номере стационара, куда меня поселили сегодня утром, моей соседкой оказалась еще одна пациентка Виктора Васильевича. Это была пятидесятилетняя дама по имени не то Аделина, не то Аделаида – я не запомнила полную версию.

Аде блефаропластику сделали накануне нашей встречи – вчера. Не знаю, как она выглядела до того, наверное, вполне по-человечески и даже по-европейски: белокожая, с золотыми локонами. Теперь же Ада поразительно походила на противоестественный гибрид типичного представителя монголоидной расы с бамбуковым медведем-пандой. Лицо у нее было желтое, площадь его заметно расширилась, а в тех местах, где у людей бывают глаза, у моей соседки имелись заплывшие щелочки, окруженные большими багрово-черными синяками.

Естественно, жизнеспособность у гибридной монголоидной панды была так себе: об остроте ума и зрения после бле-

фаропластики не приходилось ни говорить, ни думать.

Едва войдя в нашу общую палату и увидев лицо соседки, я не сдержалась и воскликнула:

– Ой, мамочка!

На что почти слепая и еще одурманенная остаточным наркозом Ада с материнской нежностью отозвалась:

– Котенок, детка, доброе утро!

Пришлось объяснять бедной женщине, что я не котенок, не ее детка, и что нынешнее утро добрым называется сугубо для проформы, так как мне тоже вот-вот предстоит принять пассивное участие в курсах пластической кройки и шитья маэстро Синельникова.

После этого Ада всякую материнскую нежность утратила и в пугающих подробностях пересказала свои ощущения до операции и после нее. Саму двухчасовую процедуру она крепко проспала, за что сердечно благодарила анестезиолога Антона Ивановича.

Лично у меня к этому уважаемому специалисту на данный момент имелась только претензия: вчера он строго-настрого запретил мне есть и пить перед операцией, которая была назначена на утро. Однако день уже перевалил на вторую половину, к операционному столу меня все не звали, а к обеденному я так и не сходила. Теперь мой желудок укоризненно бурчал, а стремительно расшатывающаяся нервная система болезненно ныла, вымогая стабилизирующую шоколадку.

Немного подумав, я изобрела компромисс: спуститься в

буфет для посетителей клиники и взять там одну-единственную чашечку чая. Не в нарушение строгого запрета анестезиолога, а сугубо для того, чтобы запить две таблетки, выданные мне час назад процедурной медсестрой!

Что это за неведомое снадобье, сестрица не объяснила, заявила только:

– Надо выпить.

– Ну, надо, так надо! – сказала я теперь сама себе, опуская крошечный бумажный фунтик с таблетками в левый карман пиджака.

В правом кармане весело бренчала мелочь. Я подумала, что на пустой чай мне ее вполне хватит, и не стала брать с собой кошелек. Переодеваться тоже не стала, только надела большие темные очки, чтобы не пробуждать в посторонних людях избыточное чувство прекрасного своим изумительным расписным лицом. Бледная курносая физиономия, разрисованная синими узорами, отчетливо напоминала прелестный гжельский чайничек.

Я предупредила соседку, что отлучусь на пять-десять минут, на случай экстренной связи взяла с собой мобильник и пошла в буфет.

По широкому и светлому коридору стационара народ гулял, как по бульвару: присутствовали и девушки, и дедушки, и добрые молодцы, и малые дети. Почти все либо в очках, либо с повязками на глазах: клинику я выбрала солидную, офтальмологическую, лучшую в регионе. Ее смело можно было

назвать опорным пунктом многотысячной армии очкариков всего юга России.

Причем я обратила внимание, что офицеры этой условной армии – медики-специалисты – тоже практически все носят очки! Мне даже подумалось, что это компрометирует заведение, всячески пропагандирующее и развивающее направление оперативной коррекции зрения. То ли врачи знают и скрывают от пациентов какие-то страшные тайны о последствиях операций, то ли им тут банально так мало платят, на лазерную коррекцию не хватает? Цены на услуги в элитной офтальмологии круглятся нулями в таком количестве – куда там очкам!

В лифте со мной ехали бойкий седой старикан – клон Кутузова, хмурая девочка-циклоп и медлительная бабушка в окулярах с такими линзами, словно их специально для нее свинтили со знаменитого телескопа Хаббл. Беззвучно шевеля губами, бабуля всю дорогу с шестого этажа на первый внимательно изучала бумажное объявление на стене кабины: «Никому не прыгать!»

– И ножками не дрыгать! – радостно срифмовал двойник Кутузова и дернул икроножной мышцей, как Наполеон.

Я посмотрела на одноглазую девочку и поняла, что у нее тоже возникло сильное желание дрыгнуть и прыгнуть, до ознакомления с запретительным объявлением отсутствовавшее напрочь.

Лифт остановился на первом этаже. Двери зашипели, со-

бираясь с силами, чтобы открыться.

– А куда не прыгать? – дочитав объявление, спросила пытливая старушка.

Я представила, как она с места без разбега сигает в беломраморный холл.

– А никуда! – развеяв мою нездоровую фантазию, легко постановил дед.

– И никогда, – тихо буркнула хмурая девочка.

Кажется, именно в этот момент меня впервые посетило ощущение, будто я стала героиней фантасмагорического фильма.

Двери открылись, я вышла из лифта, на ходу оглянулась и увидела, что мои спутники неподвижно стоят в кабине и молча смотрят мне вслед – во все глаза, общим числом четыре штуки на троих.

«Полный сюрреализм!» – пробормотал мой внутренний голос.

– Яду мне, яду! – вздохнула я и с некоторым сомнением посмотрела на вывеску буфета.

Нарисованная на ней чайная чашка – пузатая, красная в белый горох, очень похожая на детский ночной горшок, была до краев наполнена жидкостью, цвет которой не представлялось возможным разобрать за могучими клубами испарений.

– Надеюсь, это не серная кислота, – опасливо подумала я вслух.

– Нет, нет, что вы! На воздухе дымится соляная кислота,

а вовсе не серная! – без тени юмора поправил меня скучный голос.

Я обернулась и увидела мужчину в яркой форме российского олимпийца. По всему было видно, что это не спортсмен, а пижон с плохим вкусом, хорошим достатком и телосложением, которое я бы назвала не атлетическим, а котлетическим – с избыточным жиром по всему организму. Лица его я не разглядела, потому что его нижнюю часть закрывал высокий воротник застегнутой спортивной куртки, а верхнюю – большие очки.

И вообще, я была не в том настроении, чтобы заглядываться на мужиков! Даже если бы за моей спиной возбужденно сопела целая сборная широкоплечих и мускулистых ватерполистов, одетых в одни только плавки с олимпийской символикой – я бы и тогда не загляделась!

– Вы будете заходить? Или пропустите меня!

Толстяк нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

Я осознала, что застопорилась в дверном проеме и поспешила пройти к буфетной стойке. Еще чего – пропускать его вперед! Подождет немного, обжора! Небось не похудеет в ожидании! Тем более что заказ у меня скромный, долго ждать не придется.

– Зеленый чай без сахара, – сама кривясь от понимания того, сколь скучно это звучит, сказала я буфетчице и без счета высыпала на тарелочку для денег кучку мелочи.

– Это еще что такое?! – Женщина выудила и покрутила в

пальцах ребристую монету.

– Ой, простите!

Я торопливо сгребла свою звонкую медь и не менее звонкое серебро обратно.

– Это просто не наши деньги... Сейчас, одну минуточку...

В горсти смешались разноцветные и разновеликие британские монеты. Вчера я гуляла по Лондону, наслаждаясь видами, покупая сувениры и ссылая мелкую сдачу в карман этого самого пиджака!

Недельные каникулы в столице Великобритании я устроила себе специально с целью отвлечься от неприятных и тревожных размышлений о предстоящей операции. И отвлечься, и развлечься удалось вполне. Вот, аж память отшибло: совсем забыла, что на родине в ходу не фунты, а рубли!

– А это что? – повторила буфетчица, продолжая рассматривать металлический многоугольник.

– А это у вас британская монета образца две тысячи восьмого года – пятьдесят пенсов, на реверсе изображен фрагмент королевского щита! – неожиданно вмешался толстяк в «олимпийке».

Я удивленно покосилась на него и снова озабоченно зазвела чужими деньгами, надеясь отыскать среди них подходящее платежное средство. Чаю мне хотелось гораздо больше, чем условно полезных знаний, так что болтовню добровольного лектора я слушала краем уха.

А он так разговорился, что едва ли не загипнотизировал

пылкой речью буфетчицу:

– Общеизвестно, что денежной единицей Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии является фунт стерлингов, который состоит из ста пенсов. В личном обращении находятся монеты номиналом один, два, пять, десять, пятьдесят пенсов и один, два фунта...

– По-моему, их слишком много, – пробормотала я, приглядываясь к разнообразным металлическим кружочкам.

– Что интересно, в одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году в Великобритании были выпущены первые монеты десятичной системы – пять и десять пенсов, которые были эквивалентны и распространены наряду с ходившими тогда монетами один и два шиллинга.

Толстяк вдохновенно вещал, позволяя мне выиграть время.

– В семьдесят первом году переход на десятичную монетную систему был завершен, затем еще трижды вводились новые монеты, а в две тысячи восьмом был радикально изменен их дизайн. Вот вы, девушка, держите в руках как раз такую новую монетку. Впрочем, они имеют хождение наряду со старыми...

– Есть! – радостно воскликнула я.

Мой возглас поставил победную точку в спонтанной лекции.

– Есть десять рублей! Наши, родные, имеющие хождение! Хватит их на чашку чая без сахара?

– Я даже дам вам сдачу.

Буфетчица вернула мне неликвидный пятидесятипенсовик, потом пошарила в ящичке кассы и бросила в пластмассовую тарелочку серебристый пятак.

Монета колесиком прокатилась по кругу и горделиво легла в самом центре тарелочки.

– Вот это совсем другое дело! – похвалила я, полюбовавшись соплеменной денежкой. – Сразу видно – пятак! А то с этим великобританским разнообразием запросто можно нажать неоперабельную близорукость, разглядывая, что за монета.

Я одной рукой взяла чашку, другой – выданную сдачу и осторожно, чтобы не расплескать горячий напиток, засеменила к ближайшему столику.

– Мне то же самое, – быстро сказал толстяк.

Я удивленно приподняла брови: вот уж не подумала бы, что господин с наружностью чемпиона мира по гастрономическому многоборью ограничится чашечкой несладкого зеленого чая! Впрочем, мало ли – может, ему тоже предстоит операция и ничего кушать нельзя?

Я проглотила таблетки, запила их пустым чаем и с сожалением посмотрела на витрину со сладкими булочками.

– Можно, я к вам? – толстяк со своей чашкой плавно подплыл к моему столику.

Я огляделась: в буфете было пусто. Почему бы этому милочку человеку не присесть за свободный столик?

«Наверное, он действительно твой собрат по несчастью, – отчего-то растрогался мой внутренний голос. – Должно быть, ему тоже предстоит вскоре серьезное испытание, поэтому он нервничает и нуждается в общении!»

– Да, конечно, – без энтузиазма произнесла я вслух.

И тут зазвонил мой мобильник: еще кто-то ощутил неотложную потребность в общении со мной.

– Елена, где вы?! – по голосу я узнала ассистента доктора Синельникова – Максима. – Пора!

– Пора?! Что? Куда? Уже? – я заволновалась, дернулась и толкнула столик.

Протестуя задрезжала посуда. Чай, к которому толстяк еще не успел прикоснуться, выплеснулся на блюдце – я даже не извинилась, мне уже было не до вежливости, я спешила.

Десять метров по прямой из буфета до лифта, подъем на шестой этаж, галопом в палату, там переодеться в спортивный костюм (в операционной будет холодно, предупреждал меня доктор) и – бегом в оперблок!

На каком-то из этапов забега мне снова повстречался запоминающийся толстяк в олимпийской форме, но я ему даже не улыбнулась, потому что уже воспринимала всю окружающую действительность сугубо как декорацию.

Потом меня облачили в одноразовый костюм для торжественного выхода в операционную, уложили на разделочный... тьфу, операционный стол, подключили к капельнице

и...

Дальше я ничего не помню.

Петя Шукин по прозвищу Петруччо беспокойно ерзал на подоконнике лестничной площадки между четвертым и пятым этажами. Поближе подобраться к квартире дяди Игоря, которого не оказалось дома, никак не получалось. Вредная бабка из двадцатой квартиры, похоже, приклеивалась к дверному глазку сразу же после утреннего пробуждения и не покидала свой наблюдательный пункт до самой ночи.

Старуха страдала бессонницей и сенсорной депривацией, каковой красивый диагноз в переводе с научного на простой русский означал, что неугомонная бабка мучительно мается скукой. При этом доброжелательности и общительности в старой ведьме не было ни грамма, иначе что ей мешало развлечь себя, например, чаепитием и неторопливой чинной беседой все с тем же Петруччо? Он всегда проявлял уважение и внимание к бабушкам и их вкусным пирогам.

Петруччо сглотнул слюнки. Из двадцатой квартиры тянуло запахом свежей выпечки, а он торчал на лестнице уже третий час и сильно проголодался. Дядя Игорь, должно быть, забыл о назначенной встрече, и это было странно. Встречаться в обеденное время в последний день уходящего месяца — это была традиция длиной почти в год!

Петруччо задумчиво побренчал мелочью в кармане — дурная привычка, за которую дядя его не раз упрекал, и совер-

шенно справедливо: даже редкие монеты, если они в плохом состоянии, стоят недорого. Впрочем, все мало-мальски ценное Петруччо заботливо перекладывал в специальный монетоприемник, старомодную такую вещь с отверстиями разного диаметра. Отсеки были подписаны: «1 коп», «5 коп», «10 коп»... Увесистый, как кастет, монетоприемник был модной штучкой еще в советские времена, что, впрочем, вполне соответствовало целям и задачам Петруччо.

«Промывать породу», то есть перебирать самую обычную, имеющую хождение денежную мелочь, его приучил дядя Игорь – известный в городе коллекционер-нумизмат. Петруччо с детства засматривался на дядины раритеты, но сам по причине хронического безденежья нормально собирать монеты не мог. А вот перебирать мелочь – это запросто!

– В современной «ходячке» полно монет, которые стоят намного дороже номинала. Взять, к примеру, хотя бы так называемые «разновидности», – просветил его как-то дядя Игорь. – Заурядные, на первый взгляд, монеты, а на самом деле – необычные и этим ценные: где-то листик окантован, где-то плащик у Георгия Победоносца с поперечными складочками, где-то буковки под копытом у коня повернуты по-другому. Таких монет целая куча! Вот только для того, чтобы распознать золотник, нужно иметь немалый опыт. А еще – время, терпение и зрение.

У самого дяди Игоря орлиной зоркости уже не было и в помине, былая цепкость из взгляда ушла – вероятно, переме-

стилась в руки, обеспечив непревзойденную деловую хватку. Зато Петруччо как начинающий коллекционер оказался вполне профпригоден.

Кроме терпения и острых глаз, у него имелись упорство, живой интерес и немало свободного времени. При этом свободным капиталом для старта бедный студент не располагал, так что начинать ему пришлось с пяти сотен рублей, которые он по совету мудрого дяди постоянно разменивал на мелочь и обратно.

Вдобавок ко всему, Петруччо оказался удачлив. Уже на третий день добросовестной, до рези в глазах, «промывки породы» ему повезло обнаружить свою первую редкую монету – 1 рубль 1997 года с широким кантом. За нее приятно удивленный дядя Игорь дал ему пять тысяч рублей (позднее Петруччо узнал, что мог запросить и больше), и в этот самый момент смысленный парень понял, что обрел не занятное хобби, а недурно оплачиваемую работу. Веер из тысячных купюр моментально развеял наивные детские мечты о собственной коллекции! Теперь Петруччо хотел просто денег.

Он начал сердиться на дядю за то, что тот опаздывает к назначенному времени. Сегодня Петруччо было, что предложить нумизмату: 1 рубль 1998 года, выпущенный Московским монетным двором (ориентировочная цена – восемь тысяч обыкновенных рублей), и 2 рубля 2001 года без клейма монетного двора (в среднем шесть тысяч рэ). Весьма непло-

хой улов!

В этом месяце Петруччо, как обычно, не поленился пройтись с визитами по друзьям-знакомым, в семьях которых были дети-именинники. Результаты тщательного изучения содержимого детских копилок, как правило, с лихвой окупали стоимость небольших подарков их маленьким владельцам.

Столь же эффективно бывало общение предприимчивого Петруччо с трамвайными и троллейбусными кондукторами. К концу смены усталые тетки, сгибающиеся под тяжестью сумок с разнокалиберными монетами, с великой радостью принимали предложение обменять пару кило мелочи на невесомые купюры, за что сердечно благодарили доброго юношу.

Сегодня добычливый Петруччо твердо рассчитывал на дядину похвалу и на его же деньги – минимум, четырнадцать тысяч «деревянных». На ожидаемый гонорар у него уже были определенные виды, так что уходить восвояси не солоно хлебавши племянник непунктуального нумизмата не собирался.

Не обращая внимания на шорохи и стуки за дверью двадцатой квартиры, где все стояла свою бессрочную вахту вредная бабка (а пироги у нее уже подгорали!), Петруччо полировал мягкой бархатной тряпочкой мелкие медные монеты. Это были ничем не примечательные «десюнчики» и «пятидесюнчики», которым достаточно давний год выпуска – до одна тысяча девятьсот девяносто пятого – сообщал

определенную нумизматическую ценность: в хорошем состоянии такие монетки стоили от двух до пяти рублей, то есть в несколько раз дороже номинала. Обычно Петруччо сдавал их дяде оптом, недорого, но все же с выгодой для себя. Буквально: мелочь, а приятно!

Дядя появился, когда трудолюбивый Петруччо до блеска натер шестую по счету монетку.

Солидный человек, серьезный коллекционер и – главное – человек весьма тучного телосложения, Игорь Николаевич Костин поднимался по ступенькам с такой скоростью, как будто серьезно готовился к международным соревнованиям по скоростному забегу на Эйфелеву башню. Впечатление усиливал «олимпийский» спортивный костюм, своим великолепием, вероятно, призванный скрасить неважную общую физическую форму спортсмена.

– А «Динамо» бежит? – машинально пошутил Петруччо, вспомнив другого толстяка-бегуна – актера Леонова в фильме «Джентльмены удачи».

– Удачный день, Петюша! Уффф, какой удачный день! – в тон ему возбужденно отозвался Игорь Владимирович, с паровозным пыхтением преодолевая последний лестничный марш.

За дверь двадцатой квартиры устрашающе забренчало железо замков, засовов и ухватов. Дядя Игорь громко сказал:

– Марьянна, это я, все нормально, отбой воздушной тревоги! – и с удивительной ловкостью последовательно открыл

все четыре замка на своей двери.

Мудрый Игорь Владимирович максимально обезопасил свое жилище от несанкционированного доступа, снабдив стальную дверь самыми современными запорными механизмами, а все окна – металлическими жалюзи.

Петруччо вслед за дядей вошел в прихожую и посторонился, ожидая, что Игорь Владимирович, как обычно, тщательно закроет дверь на все имеющиеся замки. Однако на этот раз дядя проявил совершенно не типичную для него небрежность. Задвинув в паз один-единственный засов, он заторопился в свой рабочий кабинет – и даже кроссовки не снял!

Удивленный и заинтригованный Петруччо сбросил туфли и пошел вслед за дядей.

Таким возбужденным и мало вменяемым он видел солидного нумизмата только дважды.

В первый раз – лет пять назад, когда Игоря Владимировича без предупреждения оставила жена, не столько в качестве своей доли супружеского имущества, сколько из чистой вредности забравшая с собой самую любимую дядину золотую монету древнегреческого Пантикапея с грифоном и колосом.

А второй раз дядя Игорь потерял обычно присущее ему хладнокровие в прошлом году, когда ему лично пришлось принимать роды у любимого абрикосового перса Филимона. До того момента нумизмат и не подозревал, что он хозяин

кошки, а не кота. Роскошное золотое руно на редкость мохнатой зверюги прекрасно маскировало и половые признаки, и даже беременность.

Но на сей раз животное, давно уже переименованное из Филимона в Филомену, было вовсе не при чем.

– Брысь! – Игорь Владимирович бестрепетно прогнал любимицу со своего рабочего стола, на котором кошка спала в сомнительной компании компьютерной мыши.

Петруччо с искренним интересом смотрел, как дядя открывает свой компьютерный каталог и торопливо прокручивает аккуратно заполненную, снабженную качественными картинками бесконечную таблицу.

– Неужели все-таки он?! – дядя Игорь нашел нужную строку и укрупнил изображение не примечательной с виду монеты. – Он! Да, точно, он!

– Да ладно?

Петруччо не поверил, хотя и знал, что зрительная память у дяди абсолютная.

Он еще не мог считать себя большим специалистом по редким монетам, но эту обманчиво скромную денежку тоже знал буквально в лицо – по картинкам, конечно. Встретить эту монету в обращении было не легче, чем динозавра в булочной, – во всяком случае, именно так говорил сам дядя Игорь.

– Пять рублей одна тысяча девятьсот девяносто девятого года Санкт-Петербургского монетного двора! – благоговей-

но произнес Игорь Владимирович. – В моем прайсе ее цена пять тысяч долларов, но это ничего не значит, цена условная, я мог написать все десять тысяч, и это ничего бы не изменило.

– Потому что этой монеты просто нет, – понятиливо кивнул Петруччо. – Нет ее – и все тут!

– А вот и не все! – Дядя с заметным трудом оторвал взгляд от изображения на мониторе и обернулся к племяннику.

Глаза его сияли, как пара отменно надраенных «десюнчиков».

– Ты удивишься, но есть такая монета, Петюша! – дрогнувшим голосом сказал взволнованный нумизмат. – Она все-таки существует!

– Пять тысяч долларов, – задумчиво повторил Петруччо, с прищуром посмотрев на картинку. – Или даже десять?

– Я должен, должен, должен ее получить! – безапелляционно заявил нумизмат.

Горячо любящий дядю и деньги племянник не стал ему возражать.

Не было в ее жизни женского счастья, не было вовсе, вот хоть ты тресни! Наверное, поэтому она и потрескалась – не обожженная любовью и страстью кривобокая фигурка из глины, может, точно такой же, из которой когда-то был слеплен Адам, да что толку? Пошла морщинами, разохлась, закрипела – даже голос стал таким, что впору спутать: она это

говорит, или не смазанные дверные петли визжат?

– Про петли-то не забудь!

Морщинистый палец настойчиво потыкался в пустую графу журнала.

Аленушка очнулась от своих мыслей.

– Запиши на завтра плотника вызвать, пусть сделает хоть что-нибудь, дармоед, а то только и знает, как у девок в процедурном спирт выклянчивать, а в седьмой двухместной двери шкафа скрипят, как трубы Страшного Суда! Нынче дамочка курточку с вешалки снимала – такой был скрежет, что в оперблоке пациенты под наркозом просыпались! Эй, о чем замечталась-то? Не спи на работе!

Медсестрица Аленушка поспешно выдернула из-под подбородка кулачок с зажатым в нем карандашиком и зачеркала в журнале, записывая замечания и пожелания закончившей дневную смену дежурной. Все равно ведь не отцепится, гримза старая, пока все ее ЦУ не зафиксируешь! Понятно, почему у нее женского счастья нет и не было никогда: какой мужик захочет жить с зубастой пилой?! Не зря ее пациенты за глаза называют не по имени-отчеству, а только кличкой: Крыса Лариса!

– Так, плотника вызвать записала? Еще пиши: Евлагин из восьмой бегал курить. Сказал, что идет к банкомату на первый этаж, а сам смолил на лестнице – меня не обманешь, я табачище за километр чую.

Аленушка вздохнула, приподняла карандаш:

– Лариса Петровна, зачем это записывать? У нас же не концлагерь, у нас стационар повышенной комфортности! Подумаешь, покурил человек! Большая беда!

– Ты, Трофимова, кто – адвокат или медик? – Крыса Лариса шумно фыркнула. – Или ты не знаешь, что у курильщиков послеоперационная реабилитация проходит с осложнениями, и именно поэтому, а не потому, что у нас тут концлагерь, пациентов настоятельно просят отказаться от курения как минимум за неделю до операции! А Евлагину этому сто лет в обед, и завтра на стол!

Уличенная в непрофессионализме, медсестра Трофимова пристыженно покраснела.

– Так что фиксируй, Евлагина! – не смягчилась Крыса Лариса. – Он, сдается мне, курильщик завзятый, не ровен час – еще и ночью дымом дышать побежит, так ты смотри, не пропусти его!

– Хорошо.

Аленушка снова вздохнула и записала обоснованный донос на Евлагина.

– Так, еще что?

Крыса Лариса шумно поскребла крепким ногтем костлявый подбородок.

– Молодежь из второй и пятой целый день резалась в карты. Так и ходили друг к другу в гости: с утра мальчики к девочкам в пятую, после обеда девочки к мальчикам во вторую. Спиртное вроде не пили, я бы заметила, но пакеты из

«Мак-Доналдса» им посыльный привез, и музыку ребятки крутили, как на дискотеке.

– Ну, Лариса Петровна! Это-то тут при чем?! – Аленушка не выдержала и встала на защиту «ребятков».

Они и по возрасту, и по духу были ей ближе, чем старый курильщик Евлагин.

– А при том, моя милая, что есть верная народная примета: если мальчики и девочки начали крутить музыку, значит, скоро они станут крутить любовь! – убежденно заявила Лариса Петровна. – А вот этого мы в нашем, как ты говоришь, концлагере допустить никак не должны. Так что следи за ночными перемещениями несовершеннолетних пациентов в оба глаза.

– Ладно! Только я не говорила, что у нас тут концлагерь! Наоборот!

Аленушка почувствовала, что начинает злиться. С Крысы Ларисы станется пойти к главврачу и сказать тому что-нибудь вроде: «Запишите, Олег Иванович: Трофимова считает, что наша элитная клиника – это концлагерь, а мы с вами фашисты и гестаповцы...» И все тогда, аллес капут карьерному росту медсестры Трофимовой.

– Теперь все? – уже откровенно нервничая, Аленушка с нажимом подчеркнула последнюю запись и нарисовала после нее большой вопросительный знак.

Почему-то он вышел похожим на выгнувшуюся кобру.

– Нет, не все!

Крыса Лариса со скрежетом придвинула себе стул и опустилась на него с таким торжествующе-заговорщицким видом, что сразу стало ясно: до сих пор были цветочки, а вот теперь начнутся ягодки. Ядовитые, как та самая кобра!

– Сдается мне, у нас завелся сексуальный маньяк!

– Ну, приехали!

Это было уже слишком. Аленушка демонстративно положила карандаш и отодвинула от себя журнал. Правду говорят, что у старых дев рано или поздно возникают сдвиги на половой почве. Сексуальный маньяк в офтальмологии, надо же такое придумать!

– Он тайно наблюдал за нашими пациентами в пикантный момент надевания ими одноразовых бахил? – съехидничала Аленушка. – Или, не дай бог, смотрел, как закатывает рукава своего рабочего халата старушка уборщица? Или даже... Страшно подумать... Неужели он подглядывал за беззащитными близорукими, которые доверчиво снимали очки?!

– А ты не юродствуй, Трофимова, – нисколько не смутилась Крыса Лариса. – Ты приметы фиксируй... Ладно, можешь пока не записывать. Просто так запоминай: мужчина средних лет, ростом под метр семьдесят, телосложения плотного...

– Упитанный, но невоспитанный, – продолжая язвить, тихо пробормотала Аленушка.

– Лицо славянского типа...

– Это как?

– Очень просто: подбородок мясистый и складчатый, как болгарский перец, нос как белорусская картошка, и вся морда гладкая, аж блестит, будто ее украинским салом намазали! – не затруднилась с объяснением Крыса Лариса. – А одет он был в спортивный костюм олимпийской команды.

– Российской? – догадалась Аленушка, логично дорисовав портрет лица и тела славянской национальности.

– Ты тоже его видела? Где? Когда?!

Крыса Лариса завертела головой, чиркая острым взглядом по стенам коридора.

Сама дневная дежурная, как выяснилось из дальнейшего разговора, впервые заметила славяноликого олимпийца, когда он коlobком выкатился из лифта и с неподобающей резвостью попер по коридору мимо поста. Олимпиец дышал, как марафонец, и, вероятно, за собственным тяжким сопением не расслышал адресованный ему призыв остановиться, хотя Лариса Ивановна профессионально озвучила его таким голосом, что любому стало бы понятно: сразу после «Стой!» запросто может последовать «Стрелять буду!».

– Гр-р-ражданин в спортивном костюмчике! – распрямившись в своем окопчике, как гранатометчик перед броском, взвыла Крыса Лариса голосом сирены – не той, которая соблазняла древнегреческих мореплавателей, а служащей сигналом оповещения гражданской обороны. – Да вы еще и в кроссовочках?! А ну-ка, вернитесь! Посетителям сюда можно только в одноразовых бахилах!

Запоздало оценив воинственный тон и настрой дежурной, нарушитель благоразумно сдался и был успешно выдворен из отделения. Однако очень скоро он вернулся – уже упаковав свои щегольские кроссовки в казенный синий полиэтилен.

Этот важный момент Крыса Лариса, увы, пропустила. Очевидно, на сей раз нарушитель проник в отделение через остекленные двери, ведущие на лестницу – не иначе, дождался там, пока строгая дежурная отлучится «на минуточку».

Так что во второй раз Лариса Петровна увидела его уже не на передовом рубеже, а в глубоком тылу стационара. Гражданин в спортивном костюмчике метался по отделению, попеременно распахивая двери палат и подолгу засматриваясь в них с непонятным и подозрительным интересом.

Опытная дежурная быстро уловила в якобы хаотическом движении гражданина стройную систему: он заглядывал исключительно в женские палаты!

– То есть он маньяк со здоровой сексуальной ориентацией? – сострила по этому поводу медсестрица Аленушка.

– Маньяк никак не может быть здоровым! – с апломбом возразила ей Лариса Петровна. – Он только прикидывается нормальным человеком, а сам все время ищет возможность поманьячить. Этот вот самый гад увидел, как санитарка везет по коридору каталку с прооперированной больной, и прямо кинулся помогать – можно подумать, настоящий брат ми-

лосердия! Санитарка-то от помощи не отказалась, она же не тяжеловес, а такому здоровому мужику переложить с каталки на кровать хрупкую женщину – как раз плюнуть...

– И переложил?

Сюжет обретал остроту. Аленушка против воли заинтересовалась.

– Переложить-то переложил, да только еще и облапал бедняжку совершенно неприлично!

– Да ладно?!

Аленушка округлила глаза.

– Не веришь мне – спроси санитарку, это Нина Тополева была, она тоже видела все это безобразие! – Целомудренная Лариса Петровна сокрушенно покачала головой. – А потом, ты только представь: мы с Нинкой этого маньяка в четыре руки из палаты взашей выталкивали, а он упирался, никак не хотел уходить!

– Это из какой же палаты? – Аленушка по собственной инициативе потянулась к карандашу и журналу.

– Из третьей, где у нас красавицы лежат.

«Красавицами» персонал стационарного отделения офтальмологической клиники по сложившейся традиции называл всех без разбору «непрофильных» пациенток пластического хирурга.

Красавицы и сексуальный маньяк – это как-то сочеталось. Ночная дежурная медсестра Трофимова отбросила скепсис и вкратце законспектировала в своей рабочей тетради посту-

пившее предупреждение о маньяке.

Предстоящая ночь обещала быть нескудной... И обещание это сдержала вполне. Хотя Аленушка добросовестно попыталась обезопасить свое дежурство от сюрпризов и перед отбоем заглянула и к девочкам в пятую палату, и к мальчикам во вторую, и к Евлагину в восьмую.

Все были на месте.

Евлагин с азартом претендента на место в команде телевизионных знатоков разгадывал кроссворд, мальчики увлеченно читали книжки, а девочки сосредоточенно намазывали на свежие розовые мордашки черно-зеленую косметическую грязь. Аленушка расценила последнее как верный признак того, что никаких гостей девицы сегодня уже не ждут, и с чистой совестью и спокойным сердцем вернулась на свой сторожевой пост на развилке трех дорог – к лифту, на лестницу и в коридор стационара.

Ровно в десять ноль-ноль внутреннее радио клиники прекратило терзать слух пациентов нескончаемым концертом Рахманинова, проиграло премилую бессловесную колыбельную и твердокаменным голосом заслуженной воспитательницы детского сада пожелало всем спокойной ночи. Затем трансляция прекратилась, чтобы возобновиться в семь утра, и во всех палатах погас верхний свет.

Дежурная медсестра Трофимова проследовала к электро-распределительному щиту, расположенному в глухом закутке за раскидистым фикусом, и щелкнула тумблером, пога-

сив лампы на потолке коридора. Теперь его освещали только редкие точечные светильники вдоль плинтусов и настольная лампа на столе дежурной.

– А, ч-ч-черт! – плачущим голосом воскликнула моя соседка по палате, и сразу же что-то звякнуло.

– Что? Что случилось?! – спросила я с искренним интересом.

Обычно я даже новости по телевизору не смотрю, а тут вдруг поймала себя на том, что меня удивительно живо волнуют даже самые незначительные события, происходящие в окружающем мире.

Состоявшаяся операция уже принесла определенные плоды в виде знаний, которыми я прежде не располагала. Например, оказалось, что временная слепота – это крайне мучительный недуг, наиболее серьезным осложнением которого для меня лично стало неутолимое любопытство. Совершенно, знаете ли, невозможно сунуть нос хоть в свои дела, хоть в чужие, если по зоркости существенно уступаешь пожилому кроту!

– Я вилку уронила! – пожаловалась соседка.

Это означало, что она все-таки нашла на столе поднос с ужином, о существовании которого мы уже догадались по витающим в палате типичным столовским запахам. Минутой раньше моя находчивая соседка отыскивала собственно стол – удачно стукнувшись о его острый угол.

– А что на ужин?

– Кажется, котлета с картофельным пюре.

Я спустила с кровати ноги, вытянула вперед руки и осторожно пошла на голос соседки, поводя в воздухе ладошками, чтобы не вступить в излишне плотный контакт с каким-нибудь твердым предметом. Все, что мельче платяного шкафа, практически не имело шансов пробиться сквозь туманную пелену в моих очах.

Несколько часов назад я волновалась о суетном, беспокоилась, какой я явлюсь свету после операции блефпропластики, а надо было думать о том, каким я сама увижу этот мир! Ни-ка-ким!

Ну, предположим, светской жизнью и зрелищами вроде телевизионных новостей я на некоторое время могу пожертвовать, но вот увидеть (и победить) эту самую котлету с картофельным пюре хотелось страстно. Последний раз я ела сутки назад!

– Точно, на ужин котлета! С пюре и кабачковой икрой! И еще чай, хлеб и масло, – радостно сообщила соседка. – А еще тут наш полдник – два йогурта и кексики. Раз, два, три... Шесть штук!

Я завистливо отметила, что ее настроение заметно улучшилось, а дикция так же заметно ухудшилась. Несомненно, моя более зоркая соседка уже поглощала свою порцию.

Я мобилизовалась, сосредоточилась, последовательно нащупала в непроглядном тумане стул, стол и поднос на нем,

приготовилась к самой серьезной части поисков – обнаружению на подносе съестного, когда соседка снова страдальчески ахнула и горько всхлипнула.

– Что, котлету уронила? – предположила я.

– Хуже, – мрачно чавкнув, с секундной задержкой ответила соседка. – Они погасили свет! Теперь я совсем ничего не вижу!

«Значит, ваши шансы на кексики уравнились!» – обрадовался за меня внутренний голос.

Я почувствовала, что мое настроение тоже улучшается:

– Да брось! В конце концов, для того, чтобы съесть котлету, свет не нужен! Нужна котлета!

– Резонно, – невнятно согласилась моя сотрапезница и снова что-то уронила.

Я тихо улыбнулась.

Жизнь, в том числе светская, налаживалась. Предстоял долгий, неспешный ужин с многочисленными переменами блюд и мест их расположения в пространстве.

Грязевые маски на лицах – это была превосходная военная хитрость! Как только успокоенная увиденным дежурная медсестра закрыла за собой дверь палаты номер пять, хитрые девчонки прекратили намазываться грязью.

– Маш, держи!

Брюнетка Лиза перекинула блондинке Маше влажные салфетки и сама потянулась потереть черно-зеленый лоб бе-

лой тряпочкой.

– погоди, не стирай! – остановила ее Машка, у которой возникла еще одна гениальная идея.

– У тебя есть что-нибудь черное?

– Вот! – Лизка откинула одеяло, продемонстрировав красивый комплект черного кружевого белья.

– Мало.

Машка покачала головой, спрыгнула с кровати и открыла шкаф.

– Вот, возьми мой спортивный костюм, он темно-синий, годится.

– Для чего годится? – Лизка соображала медленно.

– Для маскировки на местности! В черном, с темными волосами и маской на лице ты будешь как ниндзя! И просквозишь по коридору, как невидимая глазу тень!

Машка сложила губы трубочкой и подула, показав, как именно просквозит по коридору ниндзя Лизка.

– Думаешь, дежурная меня не заметит? – Лизка сначала поежилась, а потом махнула рукой. – А, ладно! Была не была!

Авантюризм подружек подстегивал алкоголь: в расписные стаканы из «Мак-Доналдса» мальчишки щедро плеснули водки, и с виду кола не сильно изменилась, а по сути превратилась в забористый коктейль. Правда, на сообразительности девчонок он сказался по-разному: у Маши мозги просветлели, у Лизы – затуманились.

Хитроумная Машка разыграла все карты так ловко, что оказалась в выигрыше по всем пунктам. Наиболее симпатичный из двух парней – Антошка – достался ей практически с доставкой на дом. В тот момент, когда бдительная дежурная, проинспектировав мальчишескую палату, зашла с проверкой к Маше и Лизе, Антон последовал за ней и сейчас прятался в туалете, примыкающем к палате девчонок. Теперь, чтобы завершить рокировку, ниндзя-Лиза должна была прошмыгнуть во вторую палату к Вадиду.

– А я ее отвлеку, – пообещала изобретательная Машка. – Позвоню с мобильного на пост, дежурная повиснет на телефоне, и в это время, пока она по сторонам не смотрит, ты быстренько метнешься к Вадиду. Только на середину коридора не выскакивай, старайся держаться поближе к стене. И с Черным Вампиром не столкнись!

Машка хихикнула. Совсем недавно Антон и Вадик, развлекая своих подружек, рассказывали им слегка модернизированные в соответствии с новой литературной модой страшные байки из больничного фольклора: про черную-черную палату, в которой стоит черный-черный гроб, в котором лежит черный-пречерный вампир... который по ночам с большим удобством и совершенно безнаказанно пьет красную-прекрасную кровь только что прооперированных пациентов.

– Ну, в эти байки я не верю! – Лиза тоже встала с кровати и подошла к шкафу. – Давай свой костюм! А черные гольфы

и балетки у меня есть свои.

Известная народная мудрость «В царстве слепых и кривой король» не подтвердилась. Я, почти совсем незрячая, в полной темноте чувствовала себя гораздо комфортнее, чем Ада с ее частично восстановившимся зрением. Во всяком случае, у меня вилки и котлеты на пол не летели!

– А ну-ка, я мобильником себе подсвечу! – догадалась наконец соседка, уронив кусок хлеба с маслом.

Фонарик ей понадобился не для поисков блудного бутерброда, а чтобы найти на стене заветную кнопочку, включающую тусклую персональную лампочку над кроватью.

– По статистике, подсветка – самая востребованная функция мобильных телефонов! – в знак одобрения намерений соседки доброжелательно сообщила я.

С ужином я медленно, но верно справлялась, и это меня очень радовало.

Однако радость моя несколько потускнела, когда раззява-соседка не нашла свой мобильный там, где она, как ей казалось, его оставила – на прикроватной тумбочке.

Мне сразу же вспомнилось объявление на столе дежурной медсестры: «За оставленные в палатах деньги и ценные вещи администрация клиники ответственности не несет!» У меня возникло тревожное подозрение, что упомянутые деньги и ценности вместе с ответственностью за них регулярно несут и уносят из клиники прочь какие-то вороватые личности!

Собственно, это опасение возникло у меня, еще когда я прочитала объявление. Именно поэтому перед уходом в оперблок я не только спрятала свой собственный мобильник в укромное местечко – в уголок пододеяльника, но и выключила аппарат, чтобы неожиданный звонок не выдал его местоположение.

Разумеется, мне очень захотелось проверить, на месте ли мой дорогой телефончик, но я не рисковала затевать такую серьезную поисковую экспедицию. Обшарить вслепую четыре угла просторного пододеяльника – задача, сопоставимая с той, которую (тоже чудом) однажды решил Колумб!

Ада же, хлопав тумбочку и попутно свалив с нее на пол еще какие-то мелкие предметы, перевернула содержимое своей сумки и даже выволокла из угла на середину комнаты большой чемодан, чтобы поискать пропажу в нем.

Я встревоженно прислушивалась к производимым ею звукам и сдерживала нарастающее беспокойство единственно доступными мне простыми способами – старалась ровно дышать и размеренно двигать челюстями.

Мой бутербродик с маслом изрядно зачерствел, но я дико проголодалась и честно собиралась сгрызть его до последней крошки.

В двадцать два десять – дежурная медсестра Трофимова машинально взглянула на часы – зазвонил телефон.

– Стационар, – сняв трубку, коротко отозвалась Аленуш-

ка.

– Это стационар? – словно не услышав ее, заволновался странно придушенный голос в трубке. – А можно дежурную?

– Дежурная, – представилась Аленушка.

– Это дежурная? А вы где?

– На посту, – Аленушка была ангельски терпелива.

В прошлом месяце одну из ее коллег уволили по жалобе пациентки, которая не дождалась ответа ночной дежурной.

Удивляться этому не следовало: пациентка – богатая взбалмошная дама – пренебрегла кнопкой вызова над кроватью и широким жестом позвонила дежурной со своего мобильного телефона с израильской сим-картой. Определитель в телефонном аппарате на посту честно выдал затейливую комбинацию цифр, и дежурная медсестра по душевной простоте не опознала в ней телефонный номер. Простушку уволили, а главврач специальным приказом повелел персоналу в обязательном порядке принимать все возможные вызовы, даже если они поступят в виде морзянки, звуков там-тама или сигнального крика совой.

– А пост где?

Аленушка стиснула зубы и энергично поморгала, развеивая ресницами возникший перед ее мысленным взором образ очень старой гримзы, богатой деньгами, скудной разумом и остро нуждающейся в лечении не столько глазных болезней, сколько склероза с маразмом.

– А пост в стационаре!

– А дежурную можно?

Увлекательная беседа заиклилась.

– Можно, – после короткой паузы, в которую идеально вписалось беззвучное ругательство, сладким голосом сказала Аленушка. – Вам все можно! Скажите, кто вы и в какой именно помощи нуждаетесь?

Трубка издевательски загудела.

Лизавету подвело тщеславие.

До второй палаты бежать было всего ничего, секунд пятнадцать, но уже в коридоре барышня сообразила, что на финише предстанет перед кавалером не в лучшем виде. Нет, к обтягивающему стройную девичью фигурку темному трико никаких претензий быть не могло! А вот страшненькую грязевую маску с лица имело смысл удалить до приветственного поцелуя.

Машка обещала, что займет дежурную медсестру телефонным разговором как минимум на минуту, и Лиза решилась.

В паре метров от обычного – без персональных удобств – «второго номера» она тихой тенью скользнула в небольшую прихожую соседней палаты повышенной комфортности. В люксовой «тройке», это все знали, имелся не только санузел, но и душевая.

– Быстро умоюсь – и к Вадику, – решила Лиза.

В прихожей было три двери, и все – без опознавательных

знаков. Это Лиза успела увидеть еще до того, как закрыла за собой дверь из тамбура в коридор, потому что потом стало темным-темно: даже щели под дверьми не светились.

Лиза наугад толкнула правую дверь, заглянула в помещение и остолбенела. Девичье сердце, и без того уже встревоженное предвкушением тайного свидания и марш-броском по коридору, забилось часто и гулко. По вспотевшей спине, ловко перепрыгивая кружевную резинку парадного бюстгальтера, с топотом побежали табуны диких и необузданных мурашек.

В темноте, которую не мог рассеять пробивающийся в щель между полотнищами тяжелых штор жиденький лунный свет, раздавался размеренный хруст. В сочетании с аппетитным чавканьем он производил в высшей степени неприятное впечатление.

Лиза окаменела. Не хотелось в это верить... Но было очень похоже, что в черной-черной палате трапезничает легендарный больничный Вампир!

«Но разве вампиры грызут кости?! – сопротивляясь накачивающему ужасу, Лиза попыталась вспомнить, что ей совсем недавно рассказывали о вампирской манере питания Вадик с Антоном. – Они же вроде только кровь пьют?!»

В темноте коротко прожурчала некая жидкость – на слух не разберешь, может, и кровь!

– Что, к нам кто-то пришел? – пугающе булькнув невидимым питьем, благодушно спросил приятный женский го-

лос – молодой и мелодичный, какой и положено иметь злому бессмертному существу.

«Черная Вампириша?!» – подумала нетрезвая и потому не вполне адекватная Лиза.

– Где? – отозвался другой женский голос. – О! Наконец-то нашла!

В черной-черной палате низко, на уровне колена, возникло призрачное голубое свечение, и Лиза увидела черную-черную фигуру, склонившуюся над черным-черным предметом, до жути напоминающим коротковатый, но просторный гроб.

– Я слышала, как скрипнула дверь, – сообщила Первая Вампириша, прекратив глотать и чавкать. – Кажется, у нас гости?

– Незваные гости?

Вторая Вампириша обернулась.

Увидев жутчайшую багрово-синюю морду, обрамляющие ее патлы и бело-голубые оскаленные зубы, бедная Лиза тихо всхлипнула и упала в обморок.

– Ада! Ты снова что-то уронила? – спросила я, втайне досадуя на поразительную неловкость соседки.

Котлета, кусок хлеба с маслом, вилка – чего только не валялось уже на нашем полу! Плюс к тому распахнутый чемодан и куча шмоток, выброшенных из него Адой в процессе поиска мобиляника.

– Это не я! – возразила соседка.

Голос у нее был растерянный и удивленный.

– Он сам упал!

Я секунду подумала. Все кексы и йогурты мы уже съели...

Кажется, в нашем меню не осталось ничего такого, к чему подошло бы местоимение «он»?

– Он? – повторила я. – А кто – он?

– А где он? – по-своему построила вопрос соседка. – Черт, я ничего не вижу! Мне показалось, что тут был какой-то черныш человек...

– Вампир, что ли? – хмыкнула я, намекая на всем известную больничную страшилку.

– Может, негр? – подумав, неуверенно предположила соседка. – В этой клинике проходят практику студенты мединститута, а среди них немало иностранцев! Может быть, кому-то из практикантов поручили время от времени нас проводить? Какому-то бедному африканскому студенту?

– Тогда это была на редкость стремительная проверка, – заметила я.

– Ну, а зачем молодому парню на нас с тобой, таких страшно красивых, засматриваться? Он заглянул, увидел, что у нас тут все в порядке, и сразу ушел.

– Он с одного взгляда увидел, что у нас тут все в порядке? – усомнилась я.

В мое собственное представление о порядке плохо вписывались разбросанные по полу продукты питания.

– Наверное, он очень зоркий, – сказала подслеповатая Ада и завистливо вздохнула. – Африканцы – они же охотники.
– Одной стрелой бьют бегемота в глаз, – пробормотала я.

Боевой ветеран Степан Иванович Евлагин спланировал свою тайную вылазку в курилку как военную операцию.

Стратегически невыгодное расположение восьмой палаты в самом тупике протяженного коридора диктовало необходимость в первую очередь обеспечить безопасный проход на лестницу или к лифту. Для этого нужно было выманить из опорного пункта на входе дежурную медсестричку – симпатичную, молоденькую и наверняка огорчительно зоркую, хотя бы благодаря очкам, которые придавали ей очень строгий вид.

– А и мы тоже не лыком шиты, не соплями клеены! – подбодрил себя Степан Иванович и выдвинулся из палаты на тропу персональной войны.

Неторопливо, нисколько не таясь и чуть ли не насвистывая, он шествовал по коридору в направлении поста дежурной, чтобы попросить у нее таблетки от бессонницы и, получив отказ, повернуть обратно. В том, что бдительная медсестрица Аленушка выглянет на звук шагов, Степан Иванович не сомневался, но также был уверен, что милая девушка не станет провожать долгим взглядом удаляющегося старика. А хитрый старик вовсе не собирался удаляться в свою восьмую палату! Он запланировал короткий партизанский

налет на третью, удобную для его целей во всех отношениях.

Во-первых, именно в третьей лежали две только что прооперированные дамочки, которым в любой момент могла понадобиться экстренная помощь дежурной медсестры. Во-вторых, эти самые дамочки почти наверняка спали – общий наркоз вещь серьезная, после него еще объятия Морфея бывают продолжительнее и крепче, чем обычно. А в-третьих, при третьей палате было где спрятаться – в санузле, например, или в душевой.

Евлагинский план был гениален и прост. Бесшумно проникнуть в палату номер три, надавить кнопку вызова дежурной над ближайшей кроватью и сразу же отступить в клозет. Затем пропустить мимо себя подросевшую дежурную и, пока она будет разбираться, кто и зачем ее вызвал, без помех уйти в отрыв на лестницу.

Стратегу повезло: зоркая медсестричка его даже не заметила! Степан Иванович еще на дальнем подступе услышал, что Аленушка разговаривает по телефону, и скорректировал свой суперплан, нырнув в прихожую люксовой «тройки» сходу, без предварительного общения с дежурной.

В «троечку» Евлагин заглядывал еще днем, так что знал, что ближайшая кнопка вызова медсестры находится на стене слева, в двух шагах от порога, на высоте примерно полутора метров от пола.

Дверь открылась с легким скрипом, но в помещении было темно – очевидно, прооперированные дамочки мирно спали,

и вторжение Степана Ивановича их не потревожило. Два тихих шага к заветной кнопке Евлагин сделал без помех, и вот тут коварный бог войны от него решительно отвернулся.

Сам того не заметив, Степан Иванович впотьмах наступил на жирную больничную котлету. Котлета, словно протестуя против такого неправильного ее использования, недовольно чвакнула. Евлагин поскользнулся, запнулся о невидимое в потемках тело в черном, упал, неудачно ударился головой о твердое и потерял сознание.

– А это что было?! – уже раздражаясь, спросила я. – Еще одна блиц-проверка? Я ясно слышала скрип двери!

Менее ясно я слышала звук падения, о чем не стала говорить, чтобы не нервировать лишний раз безрукую растеряху-соседку. Черт ее знает, что она опять уронила!

– Ах, я не знаю! – беспомощно и тоже взвинченно откликнулась Ада. – Я тоже что-то такое слышала, но не успела посмотреть! Давай позовем медсестру?

– Лучше санитарку с ведром и шваброй, – подумала я вслух и сказала, как Карлсон: – Давай, жми на кнопку!

Не надо недооценивать средний медицинский персонал! «Мы тоже не лыком шиты!» – подобно боевому ветерану Евлагину, могла сказать о себе медсестрица Аленушка.

«Пентиум» на посту стоял не зря, данные из карточек пациентов в электронную базу переносились исправно, и из-

влечь из машинной памяти кое-какую информацию компьютерно образованной медсестричке не составило большого труда. Набор из одиннадцати цифр, зафиксированный, но не опознанный телефонным определителем, оказался номером мобильного аппарата юной пациентки Марии Тарасовой.

– Ой, Машенька-растеряшенька! – злорадно усмехнулась медсестрица Аленушка, живо смекнув, с какой целью ей анонимно звонила предприимчивая умница из пятой палаты.

Вообще-то – в свободное от работы время – медсестра Трофимова живо сочувствовала юным, девственным сердцам, обуреваемым условно благотворными порывами любви. Однако служебный долг однозначно велел ей «держатъ и не пущать», а тут еще сказало свое веское слово оскорбленное самолюбие.

– Обхитрить меня решили, малолетки? – насмешливо спросила Аленушка виновато помалкивающий телефон. – А вот фигушки вам, не выйдет!

Помахивая рукой, пальцы которой сами собой свернулись в ту самую фигушку, очень строгая дежурная медсестра Трофимова четким шагом кремлевского гвардейца проследовала в палату номер пять и там решительно помешала едва начавшемуся тет-а-тету пациентки Тарасовой и пациента Петрова.

Вторую предприимчивую деву она ожидала найти за аналогичным занятием в палате номер два, однако там обнаружился лишь одинокий скучающий юноша.

– А Лизавета где? – без церемоний спросила его Аленушка.

– Хотел бы я знать! – сердито покраснев, буркнул Вадик.

– Раз, два, три, четыре, пять – я иду искать! – со вздохом пробурчала дежурная.

Красная сигнальная лампочка на посту моргала напрасно: медсестрица Аленушка на месте отсутствовала, откликнуться на призыв было некому.

Упитанный мужчина в олимпийском спортивном костюме прятался в темном углу лестничной клетки, пока дежурная медсестра не отлучилась со своего поста в стационаре. Тогда «олимпиец» вошел в отделение и уверенно и бесшумно двинулся вглубь коридора.

Путь его был недолгим и завершился проникновением в палату, которая этой ночью могла претендовать на звание наиболее посещаемого помещения всего стационарного отделения. Дверь палаты номер три послушно открылась, пропустив внутрь еще одного незваного гостя, и снова закрылась.

Спустя несколько секунд из помещения донесся короткий возглас – невнятный по смыслу, но явно горестный по настроению. Так могла бы вскрикнуть нежная тургеневская барышня, увидев на подоле своего кипенно-белого кисейного платья гадкого паука. Затем послышался приглушенный звук удара, каким непременно отреагировал бы на гадкого паука примерный кавалер нежной тургеневской барышни.

И, наконец, после короткой паузы раздался женский голос, взмолившийся:

– Господи, на все воля твоя! Дозволь же мне прозреть хоть на минуточку!!!

Именно в этот момент с дверью самой популярной палаты стационара поравнялась медсестричка Аленушка, блуждающая в поисках пропавшей из своей комнаты Лизаветы.

Не раздумывая, она толкнула дверь, с успокаивающим воркованием: «Прозреете, девочки, все прозреете, не сомневайтесь!» – шагнула в палату, где тускло светила одинокая лампочка над кроватью, и застыла на одной ножке, как памятник девочке, прыгающей в классики.

Места, чтобы поставить вторую ногу, у порога не было.

Зато там имелись:

- а) распростертое неподвижное тело в байковой пижаме;
- б) распростертое неподвижное тело в спортивном костюме;
- в) распростертое неподвижное тело в черном трико;
- г) коленопреклоненное, но тоже неподвижное тело в ночной сорочке из розовой фланели;
- и д) оцепеневшее в нелепой позе с молитвенно склеенными ладошками и запрокинутым к потолку лицом тело в шортах и майке, единственное из присутствующих, расположившееся на стуле за столом.

В промежутках между телами и предметами мебели пол палаты неравномерно покрывали тряпки, объедки и столо-

вые приборы.

– О господи! – позаимствовав чью-то реплику, воскликнула впечатленная увиденным дежурная медсестра.

– Кто здесь?! – переместив слепой взгляд с неотзывчивого потолка на дверной проем, бешено рывкнула особа в шортах.

– Да кого здесь только нет! – нервно хихикнув, машинально откликнулась медсестрица Аленушка.

По зажатой в желтых пальцах пачке «Примы» она уверенно опознала заслуженного курильщика Евлагина, но не узнала пропавшую Лизавету в образе стройной негритянки в трико. Зато броская олимпийская форма третьего тела моментально напомнила ей предупреждение мудрой Крысы Ларисы:

– Никак, тот самый маньяк?!

– Где?! – в один голос спросили нележачие дамочки.

– В чемодане, – не скрывая удивления, ответила дежурная.

– Чемоданный маньяк? Это редкий вид! – съязвила незрячая и оттого особенно сердитая особа в шортах.

– А что он там делает? – оскорбилась подслеповатая особа в ночнушке. – В моем чемодане?!

– Он там...

Сестрица Аленушка подошла поближе, присмотрелась, охнула и распрямилась, как струна:

– Похоже, он умер!

Было ясно, что замаять такое ЧП администрации клиники не удастся, так что я несколько не удивилась утреннему визиту в нашу палату небольшой полуофициальной делегации из трех лиц, разглядеть которые я пока еще толком не могла.

Считать делегацию вполне официальной мешали медицинские халаты, которые визитеры небрежно набросили на плечи. Что там у них, под халатами, я не видела, но по походке и выправке гостей догадалась, что в повседневной жизни носить просторные легкие одеяния пастельных тонов им не свойственно.

«Точно, это не медики и не педики!» – согласился со мной внутренний голос.

– И не ангелы, – уверенно подумала я, хотя белые халатные полы и колыхались, как крылья.

– Здравствуйте, Елена Ивановна! – без спросу придвинув к моей кровати стул и без приглашения опустившись на него, приветствовал меня один из посетителей. – Меня зовут Николай Васильевич.

Второй визитер присел в некотором отдалении – у стола, а третий остался стоять у стены, нервно переминаясь с ноги на ногу. Я присмотрелась: халат на этом третьем был аккуратно застегнут. Значит, медик.

– Елена, доброе утро, я Олег Иванович, главный врач, – отреагировал он на мой пристальный взгляд. – А это товарищи из...

– А это оттуда, откуда надо, товарищи, – невозмутимо пе-

ребил его Николай Васильевич. – Вы, Елена Ивановна, не возражаете, если мы с вами немного побеседуем?

– С удовольствием! – искренне сказала я.

До появления гостей я не знала, чем себя занять.

Соседку мою уже выписали, и вариант «поболтать-по-сплетничать» отвалился. Зрение мое восстановилось пока крайне незначительно, так что ни читать, ни смотреть телевизор я не могла. А слушать по больничному радио музыкальную классику (сегодня это был «Эгмонт» Бетховена) мне уже чертовски надоело. Честно говоря, в последние полчаса я развлекала себя мыслями о том, что неплохо было бы выяснить, где находится больничная радиорубка, чтобы наведаться к местному диджею с новыми дисками. Лучше всего – автоматными.

– Побеседовать – это я всегда готова! – горячо заверила я гостей. – И не ограничивайте себя во времени, до пятницы я совершенно свободна!

Тут визитер, присевший у стола, подозрительно хмыкнул.

Я повернула голову и очень внимательно на него посмотрела, но на этот раз прием не сработал – у мужика оказались крепкие нервы, он мне не представился.

– Как вы, наверное, догадываетесь, предметом нашего разговора будут события, происходившие в этой палате вчера вечером, приблизительно с десяти до половины одиннадцатого, – ровным голосом лектора начал Николай Васильевич. – Я прошу вас изложить нам ваше видение случивше-

гося.

– СЛЫШАНИЕ случившегося! – добросовестно поправила я. – Вчера вечером я еще совсем незрячая была, так что собственного видения случившегося у меня, к сожалению, нет.

Сожаление мое было абсолютно искренним. Я страшно досадовала, что по большей части пропустила увлекательное массовое шоу с трагическим исходом. Каюсь, я ужасно любопытна!

– Хорошо, изложите свое слышание, – несколько озадаченно согласился Николай Васильевич.

– Излагаю!

Я повозилась, поудобнее устраиваясь в постели.

– Итак... Сначала у Ады упала вилка. Потом она уронила котлету. Затем потеряла бутерброд с маслом. Потом стала искать свой телефон, вытянула из-под кровати чемодан и выбросила из него все свои вещи... Это я вам вкратце обрисовала сцену действия.

Было очень досадно, что я не могу разглядеть выражение лица Николая Васильевича, но рот он приоткрыл, это точно!

Ничего удивительного – я профессиональный тележурналист, умеющий захватить и удерживать внимание публики.

«Публика уже готова, можешь переходить к более сложным предложениям», – посоветовал мне внутренний голос.

Я кивнула и приступила собственно к рассказу:

– Была тихая апрельская ночь, близилось полнолуние,

но задернутые шторы почти не пропускали в комнату свет. Впрочем, две недавно прооперированные дамы – я и Ада – все равно пребывали в крошечном мраке временной слепоты...

Я сделала драматическую паузу и посмотрела на Николая Васильевича. Он слабо вздрогнул, словно встряхнулся, и попросил:

– Давайте ближе к делу.

– Ну, давайте, – я с легким сожалением отказалась от мысли в красках живописать муки временной слепоты. – Короче, я услышала, как скрипнула дверь: кто-то вошел в палату.

– Кто? – мой собеседник слегка подался вперед.

– Я же не видела, а он не представился! – напомним я и с укором посмотрела на посетителя, который тоже не соизволил мне представиться. – Потом снова что-то упало. Я было подумала, что Ада опять уронила что-то из еды, но это был он.

– Кто?!

– Тот, кто не представился!

Гость у стола негромко хрюкнул.

– Допустим, – Николай Васильевич легонечко побарабанил пальцами по прикроватной тумбочке. – И что было дальше?

– Дальше снова скрипнула дверь, и кто-то вошел в палату.

– Кто?

– Уж простите! – я развела руками. – Он тоже не предста-

вился! Ни словечка не сказал, упал совсем молча. И тут...

– Неужели снова скрипнула дверь?! – с тихой радостью в голосе предположил дотоле молчавший визитер-инкогнито.

– Представьте, вы угадали, – подтвердила я задумчиво: голос веселого и находчивого гостя показался мне знакомым. – Дверь открылась и закрылась, кто-то вошел...

– Кто? – мертвым голосом спросил Николай Васильевич.

– Он не представился! – дружным дуэтом ответили мы с Инкогнито.

Доктор у стены нервно хихикнул. Смешок у него был нездоровый. Доктору явно имело смысл полечиться.

– Может, мне не рассказывать дальше? – обиделась я.

– Рассказывайте.

– Ладно, уже совсем немного осталось, – я ускорила.

– ...А потом кто-то вскрикнул! – я остановилась и задумалась. – Право, не знаю, кто именно: к этому моменту в палате уже было так много народу... Думаю, это неважно. Важно, что дверь...

– СНОВА СКРИПНУЛА! – восторженно просипел Инкогнито и мелко затрясся.

Колченогий стул под ним забился в шумном эпилептическом припадке.

– Да!

Я с вызовом посмотрела на угрюмо молчащего Николая Васильевича:

– А почему же вы не спрашиваете меня, кто пришел?

– А вы скажете?! – изумился он.

– Конечно! – я победно улыбнулась. – Это была дежурная медсестра! Она, в отличие от всех прочих, не молчала как рыба! От нее-то я и услышала, что один из тех, кто пришел и не представился, кажется, преставился... То есть умер. А он правда умер?

Я вопросительно взглянула на главврача.

– К счастью, нет, только получил серьезную травму и сейчас находится в нейрохирургии!

– Серьезную травму? У нас в палате?

Я перевела вопросительный взгляд на Николая Васильевича.

– Проникающее ранение головы острым металлическим предметом, – неохотно подтвердил он.

– Он очень неудачно упал на вилку, – поторопился объяснить главный врач.

– А-а-а, тогда понятно. За что боролись, на то и напоролись, – пробормотала я.

– В смысле? – быстро спросил Николай Васильевич.

– В смысле, это же палата повышенной комфортности, – объяснила я. – Тут пациентам завтрак, обед и ужин приносят в постель, и столовые приборы подают мельхиоровые, а не алюминиевые. Так что вилка была крепкая, острая...

Доктор у стеночки сокрушенно вздохнул.

– Вот пришел бы этот ночной гость в обычную общую палату – и остался бы цел и невредим, потому как тамошние

вилки гнутся, как ивовые прутьики, – подытожила я и встрепенулась. – Да, кстати! А зачем он вообще сюда пришел?

– Мы разберемся, – неуверенно пообещал Николай Васильевич и встал со стула.

– А зачем они все сюда пришли?! – я торопилась задать свои вопросы, но гости уже уходили: сначала Николай Васильевич, за ним главврач. – Ну, кроме медсестры, ее-то мы сами вызвали...

– Сами с усами, – хмыкнул Инкогнито, пересаживаясь на стул у моей кровати. – Ох, Ленка, вечно ты вляпываешься в какие-то истории! Ну, привет! Катастрофически выглядишь, скажу я тебе!

И вот тут я узнала и мужественный голос, и насмешливые интонации, и хамские манеры майора Лазарчука.

– Серега! Ты что здесь делаешь?!

Я спешно нашарила на тумбочке черные очки и спрятала за ними свои опухшие, заплавленные, порезанные и заштопаные глазки. Хотелось надеяться – вместе с примыкающими к ним обширными синяками.

– Зрассьте! Ты же просила нас с Иришкой тебя забрать!

– Вас? Я только Ирку просила!

– А она свою машину в ремонт сдала, поэтому привлекла меня, – майор пожал плечами и искательно оглянулся. – Кстати, а где она, твоя дорогая подружка? Мы договаривались на десять.

– Обычно Ирка точна.

Я замолчала, не зная, чем объяснить нехарактерную непунктуальность моей лучшей подруги, и тут же услышала в отдалении знакомый и любимый голос.

– Да какого дьявола! Это медицинское учреждение или тюрьма строжайшего режима?! – гневно вопила Ирка, перекрывая своими криками несколько менее звучных голосов. – А ну-ка, уберите руки! Ша! Расступились все, пропустили большую тетеньку, пока целы!

– Сейчас прольется чья-то кровь, – пробормотала я.

Лазарчук молча снялся со стула.

Снова (о, как же мне наскучил этот звук!) проскрипела дверь палаты, шумы в коридоре стали заметно громче и дополнились командным голосом майора:

– Пропустите эту гражданочку, она со мной!

Ропот стих, по коридору быстро протопали тяжелые шаги, и в мою палату, толкая впереди себя замешкавшегося Лазарчука, спешно пробилась реально большая тетенька – шестипудовая русская красавица Ирина Максимова.

– Представляете – они пытались задержать меня на входе! – возмущенно пожаловалась она, уперев руки в бока.

– У них там были танки? – потирая собственный ушибленный бок, язвительно прошипел Лазарчук.

– Нет, но...

– Тогда у них не было шансов!

Кажется, он немного жалел, что на оснащении элитной клиники не оказалось тяжелой заградительной техники, спо-

собной сдержать натиск моей боевой подруги.

– Почему меня не пускали? Я что, так подозрительно выгляжу? – продолжая возмущаться, подружка приблизилась к моему ложу.

– Еще бы! – Я наконец смогла разглядеть ее наряд. – Ты зачем напялила этот костюмчик?

Иркины могучие тела обтягивала бело-красно-синяя «олимпийская» форма.

– А чем тебе не нравится мой костюмчик? Между прочим, он почти тысячу долларов стоит! Смотри, какой стильный ансамбль: штаны, футболка, куртка, кепка. Все в тон! Сплошь дорогие и модные вещи! – надулась подружка.

– Вещи шикарные, но в них ты уж очень похожа на одного потерпевшего, – объяснил Лазарчук.

– От кого потерпевшего?

Ирка почему-то сразу посмотрела на меня.

– От вилки, – уклончиво ответила я.

– Не понимаю, – сказала Ирка и на этот раз посмотрела на майора.

– Не ты одна, – вздохнул он и нервным жестом поправил на своих плечах халатную бурку. – Ну, что, девушки-красавицы, душеньки-подруженьки? Будем собираться с вещами на выход? Давайте, шевелитесь. Я подожду в коридоре.

Сергея вышел из палаты. Я вылезла из-под одеяла и встала, слегка покачиваясь и бессмысленно озираясь.

– Как зрение? – сочувственно скривилась подруга.

– Как обезжиренный кефир, – мрачно сказала я. – Полупроцентное! Достань, пожалуйста, из шкафа мои вещи и помоги мне переодеться. Я сама даже носки снять не могу, мне наклоняться нельзя!

– Бедная!

Ирка присела, поправила перекрутившийся на моей ноге шерстяной носок и зачем-то в него заглянула.

– Хотя, нет, богатая! С каких пор ты держишь деньги в чулке?

– Не оstri, – я запоздало вспомнила, что еще перед операцией из суеверных соображений сунула в носок пять рублей. – Пятак под пяткой – хорошая примета, на экзаменах это мне всегда помогало.

– Ну, ну... Будем надеяться, что поможет и на этот раз, – с сомнением сказала подружка и подтянула мой носок выше.

Я подумала, что правильно поступила, отправив мужа с сыном на неделю к родственникам в Киев: очевидно, вид у меня и в самом деле такой, что впору детей пугать.

– Ну, вы готовы? – в палату заглянул нетерпеливый Лазарчук. – Тогда двинулись. Ирка, ты ведешь Ленку, а я несу сумку.

– Главное, никаких личных вещей в палате не забыть, чтобы в больницу не вернуться. А то ведь есть такая дурная примета.

– Сереж, посмотри в боковом кармане сумки ключи от

квартиры, – спохватилась я.

Ночью полуслепая Ада, озабоченная поисками своего телефона, прошла по палате как самум, краем зацепив и мою сумку. А экстренной уборкой захламленной территории занималась сонная и ко всему безразличная санитарка, и у меня не было полной уверенности в том, что она подобрала и правильно разложила по своим местам все валявшееся на полу. Хотя я отдельно попросила собрать все разбросанные ключи и положить их в накладной карман на боку моей сумки.

– Не лучшее место для ключиков, – не удержался от замечания мой милицейский друг.

– Зато оттуда их легко доставать, – объяснила я.

– Вот именно! – веско сказал Лазарчук. – Вытащит у тебя ключи от квартиры, где деньги лежат, какой-нибудь карманник, да и переквалифицируется в домушника...

– Так, Серый, не время для нотаций! – осекла разговарившего майора Ирка. – Сейчас ключи на месте?

– Да.

– Все восемь? – уточнила я.

Обычно я ношу с собой связку всего из четырех ключей: два – от железной входной двери квартиры, один – от внутренней деревянной, и еще один – от служебного кабинета. Но муж перед отъездом оставил мне еще три важных ключа, сняв их со своей связки: от хозяйственной комнаты в подвале дома, от гаража и от почтового ящика. А сынишка по

собственному почину добавил к ним маленький ключик от своей копилки. Он у нас мальчик не жадный, всегда рад позаботиться о любимой мамочке.

— Четыре ключа на связке и столько же россыпью, — отрапортовал Лазарчук.

— Ну, вот и молодец, майор, на поставленный вопрос ответил исчерпывающе, — похвалила его Ирка. — А больше тебя ни о чем пока не спрашивали.

— Так это пока! Пока кое-кто не вляпался в очередную неприятность, — пророчески съязвил наш милицейский друг, выходя из палаты.

Петруччо узнал пугающую новость о несчастном случае с дядей Игорем ближе к вечеру, после возвращения из института.

Домашние уже все были в курсе и на взводе. Папа висел на телефоне, обсуждая состояние шурина с кем-то из знакомых медиков. Голос его был озабоченным, но с легкими нотками людоедской радости. Поскольку другой кровной родни, кроме сестры и племянника, у дяди Игоря не имелось, в случае его безвременной кончины семейство Щукиных неминуемо должно было разбогатеть. Надо сказать, что таковая надежда грела душу Петиного папы уже много лет, хотя вслух об этом он никогда не говорил, потому что соблюдал приличия и боялся сглазить возможную удачу.

Мама возилась на кухне, варила диетический бульон. Сы-

на она, ничего ему толком не объяснив, немедленно погнала в магазин за свежим кефиром. Возражать расстроенной мамуле Петруччо не стал, но до супермаркета с большим выбором молочных продуктов не дошел, безответственно отоварился в ближайшей лавочке. По репликам, выхваченным из папиного телефонного разговора, смысленный юноша обоснованно предположил, что коматозному больному свежесть кефира, который он даже не пригубит, глубоко безразлична.

Впрочем, оказалось, что папа то ли опередил события, то ли выдал желаемое за действительное.

– Состояние пациента улучшилось! Он пришел в сознание и понимает обращенные к нему вопросы, – обрадовали группу встревоженных родственников в нейрохирургическом отделении.

– Отлично, – кисло ответил папа.

– Он может говорить? Отлично! – гораздо радостнее воскликнул Петруччо.

Это было очень важно. Особенно если дядя выкарабкается, и вместо него в затяжную кому погрузятся папины мечты о богатом наследстве. Тогда Петруччо придется по-прежнему самому заботиться о своем финансовом благополучии.

Юноша, разумеется, не забыл, что накануне вечером дядя Игорь отправился не куда-нибудь, а в военный поход за редкой монетой. При этом все подробности своего захватнического плана, включая базовую информацию о том, в чьих руках находится драгоценный пятак, старый параноик зло-

козненно утаил – не иначе, побоялся конкуренции с родным племянником!

Петруччо не без злорадства взирал на обмотанную бинтами голову во всех смыслах дорогого родственника. Было очевидно, что в сложившейся ситуации травмированному коллекционеру никак не обойтись без помощника. Придется, придется дядюшке поделиться с племянником и информацией, и барышом!

Однако состоявшийся короткий разговор преподнес Петруччо две новости – как водится, одну плохую, а вторую хорошую.

Плохо было то, что из продырявленной столовым прибором памяти дяди Игоря совершенно бесследно испарились воспоминания о событиях последних суток! Безрезультатно попытав больного, Петруччо понял, что искать чудо-денежку ему придется самостоятельно, без дядиной наводки. Зато в случае успеха он может не делиться со старым склеротиком ничем, кроме законной гордости! Последнее радовало.

Правда, было непонятно, с чего начинать поиски драгоценного пятака и как именно их вести, но тут Петруччо неожиданно помогли родители. В машине по дороге домой они продолжили разговор, начатый в кабинете лечащего врача. При этой беседе Петруччо, оставленный с дядей, не присутствовал, а потому даже не сразу понял, о чем идет речь.

– Наверное, нам надо будет поменять квартиру, – озабоченно сказал папа.

– Зачем?!

Папин голос был полон радостного возбуждения.

– Переедем к нему на Кирова, там всем места хватит. И нам, и Петьке, и придурку нашему дорогому с медсестрами и сиделками. Конечно, если его вообще в психушку не запрут.

– В какую психушку, Саша, что ты говоришь?! – заволновалась мама. – У Гоши всего лишь частичная амнезия, и это может быть временно, надеюсь, память к нему вернется!

– В самом деле? – пробормотал Петруччо.

– Сонечка, дорогая, да амнезия – это ерунда, твой милый братец слетел с катушек, это же очевидно!

Папа хмыкнул и весело подмигнул задумчивому сыну в зеркальце заднего вида.

– Петька, ты же не в курсе, твой дядя Игорь – маньяк!

– Саша! – мама взвилась на сиденье, как будто мягкое кресло выпустило шипы. – Мы же договорились – не при ребенке!

– Сонечка, да какой же он ребенок? Взрослый парень, почти восемнадцать годков!

Папа подмигнул Петруччо вторым глазом и сразу же нарочито посуровел, сменив тон.

– К тому же, дорогая, мы просто обязаны предупредить нашего единственного сына об опасности и вообще всячески оградить его от риска подцепить заразу морального разложения! Я даже думаю – не слишком ли много времени он проводил с твоим чокнутым братцем? И не слишком ли

велико было влияние дяди-маньяка на молодого человека с неокрепшей психикой?

– Ты думаешь?.. Петенька! – встревоженная мама обернулась и потянулась к единственному сыну.

– Спокойствие, только спокойствие, – пробормотал Петруччо, уклоняясь от объятий. – О чем речь-то? Я ничего не понял.

– Объясняю! Твой дорогой и любимый дядюшка – сексуальный маньяк! – Папа торжествующе улыбнулся.

Чувствовалось, что все происходящее доставляет ему живейшее (почти маниакальное) удовольствие.

– Он не просто так загремел в реанимацию с проникающим ранением головы столовой вилкой! Он получил эту травму, когда среди ночи тайком явился поманьячить в больничную палату, где лежали женщины, которые только что перенесли операцию на глазах. Причем днем он уже пытался лапать одну из них, и делал это с бесстыдной откровенностью, прямо на глазах у медицинского персонала!

Папин голос возвысился и заметался под низким сводом автомобильной крыши, как стая летучих мышей. Мама густо покраснела и прикрыла лицо руками.

– Вы только представьте! Две абсолютно беспомощные слепые женщины, больничная палата, глухая ночь – и сумасшедший старик с ужасными и гнусными намерениями! – папа вдохновенно нарисовал фантастическую картину и добавил ей убедительности аргументом: – А кстати, напомню,

что наш милый дядя Игорь ВСЕГДА проявлял поразительное упорство в реализации своих фантазий и капризов!

– Какая больница? Какая палата? – спросил Петруччо, очень ловко замаскировав деловитую конкретность вопросов растерянным тоном.

– Да клиника имени Федина, спецпалата для пациенток пластического хирурга, – скороговоркой ответил папа, торопясь продолжить пафосный монолог. – Вот, между прочим, прошу еще заметить: ведь не каких попало дамочек выбрал себе в жертвы наш родной маньяк! Не к бабулькам с катарактой он подбирался – к красавицам!

– Да какие они красавицы, после операции-то! – фыркнула мама. – Скажешь тоже!

– Во-от! – Папа глубоко кивнул. – Значит, дядюшка-то наш – кто? Извращенец! И, стало быть, самое место ему – где? В психушке!

Мама снова заспорила с супругом, но уже гораздо менее убежденно. Петруччо перестал следить за разговором родителей и погрузился в собственные размышления.

Все правильно, в офтальмологическую клинику дядя Игорь давно уже собирался, хотел проверить ухудшившееся зрение и подобрать себе новые очки. Значит, именно там, в клинике, он увидел у кого-то заветный пятак...

Да не у кого-то, а у одной из тех пациенток хирурга-пластика! И не лапал он ее, он по карманам шарил, монетку искал, да не нашел! И было это днем. А ночью, стало быть, дядя

проник в палату, чтобы покопаться в ее вещичках. Но вместо пятака попался ему совсем другой металлический предмет – столовая вилка...

А пятак? Пятак-то, выходит, так и остался у той сомнительной красавицы! У той, или у другой...

– Пап, останови машину, пожалуйста! – мельком глянув в окошко, попросил Петруччо. – Я немного прогуляюсь, хочу подышать свежим воздухом.

– Видишь, Сонечка? – Папа с готовностью притер машину к тротуару. – Нашему мальчику стало тошно! И ты по-прежнему думаешь, что мы должны по-родственному жалеть этого мерзкого извращенца, твоего братца?!

Петруччо хлопнул дверцей и зашагал к недалекому скверу, но с полпути поменял направление, свернув к трамваю. До клиники имени Федина было всего три остановки.

Лазарчук заботливо усадил нас в такси, скороговоркой пожелал скорейшего выздоровления и сразу же побежал к своей «Ауди». У майора снова выдался непростой денек с весьма напряженной драматургией. Сразу после больницы ему надо было ехать на кладбище, хоронить какого-то коллегу по работе.

Зато Ирка провела у меня полдня и уехала только после того, как накормила меня обедом и заполнила полки холодильника кастрюльками с готовой едой.

Оставлять меня одну подруге не хотелось, но я упрямо

отказывалась от приглашения погостить у нее. Обычно я не прочь погреться у их с Моржиком семейного очага, но сейчас мне хотелось одиночества, покоя и тишины. Я не стала включать мобильник, вырубила домашний телефон и попросила Ирку позвонить в Киев и сказать Коляну, что у меня все хорошо.

– Завтра я сама ему звякну, – пообещала я с дивана, в который мне хотелось пустить корни.

– Завтра я к тебе заеду, – ответила на это Ирка, топчась в прихожей. – Прямо с утра, чтобы горячим завтраком накормить. Ты дотянешь сама до утра? Ужин в холодильнике, раствор фурацилина для промывания глаз на полочке в ванной. Так, что еще?

– Да иди уже, сестра милосердия, – проворчала я, скрывая умиление.

– погоди, не спи! Закрой за мной двери!

Это было дельное напоминание. Я неохотно встала, выползла в прихожую и, дождавшись, пока подруга выйдет из квартиры, закрыла металлическую дверь на задвижку, а деревянную – на ключ, который Ирка предусмотрительно вставила в скважину. Боюсь, мне с моей кротовьей слепотой этот трюк дался бы с трудом.

Связка была тяжелая. Ею запросто можно было заменить традиционный брелок на оковах средневекового каторжника – пушечное ядро! Заботливая Ирка вдобавок к моим обычным ключам прицепила на стальное кольцо все дополнитель-

ные.

Я с мимолетным сочувствием подумала о детишках, которым родители вешают ключи от квартиры на шею: в нынешние беспокойные времена, когда на каждой двери по три замка, такая ноша свободно может вызвать искривление позвоночника!

День тянулся в полусне. Время от времени я пыталась вынырнуть из тягучей дремоты, но не находила, за что зацепиться, и снова погружалась в сон. Расстроенное зрение исключало из скудного списка доступных лежачей больной развлечений чтение, письмо и Интернет во всех его проявлениях. Оставался только телепросмотр, но тоже в крайне усеченном виде, поскольку с 600 каналами спутникового ТВ я и в нормальном состоянии управлялась с большим трудом. Давить на кнопки пультов вслепую я не рискнула, так что пришлось довольствоваться телеканалом родной студии, настроенным по умолчанию.

Впрочем, в этом был определенный плюс. Я очень ответственно отношусь к своим обязанностям главного редактора, и меня, признаться, беспокоило, как коллеги и подчиненные справляются с работой в мое отсутствие.

А справлялись они неважно, это я поняла на первом же сюжете новостной программы. В дальнейшем это печальное понимание только углубилось.

Новая девочка-журналистка, не так давно прибывшая к нам из гепатитно-желтой газеты «Партизанская правда», по

привычке писала тексты не столько содержательные, сколько душевные. В итоге самые серьезные информационные поводы, вроде визита в регион главы государства, подавались ею с тем умильным присюсюкиванием и трогательными подробностями, которые обычно нравятся бабушкам и домохозяйкам, но вызывают лютое бешенство у серьезных пресс-служб.

Незадолго до своего ухода в отпуск я объяснила милой девочке Люсе, что фраза «Мальчик улыбнулся и обстоятельно рассказал губернатору о своей активной любви к длинноухим косоглазым» при всей своей душевности изрядно компрометирует и деятельного мальчика, и его дефективных любимцев, и даже губернатора, поощряющего всего-навсего развитие в частном секторе кролиководства.

На этот раз милая Люся в своем незабываемом стиле осветила встречу министра сельского хозяйства с трактористами. Сделанные министром программные заявления она озвучила безразличной скороговоркой, зато со вкусом и в мельчайших подробностях описала состоявшийся прямо в поле, в рабочий полдень, обед. «Сегодня в меню скромных тружеников полей были кубанский борщ с пампушками, жаркое из овощей с бараниной, пирожки с повидлом и компот, – доверительно поведала милая Люся телезрителям в своем финальном стендапе. – Министру понравилось все: и готовность кубанских аграриев к посевной, и состояние сельскохозяйственной техники, и особенно обед! Он с аппетитом

съел весь борщ и попросил добавку компота!»

Люсю мало было уволить.

Люсю надо было убить!

И не ее одну.

Мой заместитель, шеф-редактор новостей Андрияша Курский, очевидно, сошел с ума, раз отправил снимать брифинг в Главном управлении внутренних дел сладкую парочку «Козлевич и Баранов»! Эти двое делают восхитительные репортажи с вернисажей и тусовок, но в брутальных мужских сообществах смотрятся примерно так же, как пара нежных эльфов в компании злых гоблинов.

Напрягая слезящиеся глаза, я пригляделась к картинке на экране и едва не расплакалась по-настоящему.

Стройными рядами в актовом зале ГУВД расположились одинаковые, как клоны Шрека, суровые мужчины в форме. А на их фоне встал, кокетливо улыбаясь и завлекательно поигрывая микрофоном, кудрявый юноша в джинсах со стразами и розовом пиджачке – очаровательный Митяй Козлевич! Рассказывал наш милашка что-то важное, но получалось у него как-то несерьезно, в издевательском стиле «покалякам о делах наших скорбных».

А тема-то была хороша! Отличная тема, такую и центральному каналу можно было бы продать, они бы тоже заинтересовались. Оказывается, пока я гуляла по Лондону, в нашем городе произошло «ограбление года»: с территории рынка «Буренушка» злоумышленники похитили тридцать

миллионов рублей, приготовленных для передачи инкассаторам. Закрыв глаза, чтобы не раздражать их дополнительно созерцанием инородного тела Козлевича, я слушала его занимательный и местами остроумный рассказ.

– Лучшие сыщики региона вошли в специально созданную оперативно-следственную группу, но до сих пор не вышли на след преступников! – язвил Митяй. – Прежде всего на предмет причастность к ограблению проверяются бывшие сотрудники рынка. Очевидно, что грабители были хорошо проинформированы о том, где и когда будет находиться огромная сумма. Они отлично знали, где расположена централизованная касса, куда стекаются деньги со всех точек. По словам очевидцев, двое грабителей в масках спокойно проникли внутрь административного корпуса, который обычно охраняется вооруженными сотрудниками. При этом не было слышно ни выстрелов, ни криков – не исключено, что кто-то просто открыл налетчикам дверь! Так же спокойно, без шума, преступники вышли из здания, сели в автомобиль «Лада-Приора» темного цвета и выехали с территории рынка.

Я прикинула: если ехать по Новороссийской, то уже через пятнадцать минут можно пересечь границу города и попасть на развилку, с которой два пути по прекрасно ухоженной федеральной трассе – либо в соседнюю область, либо к морским курортам. М-да, похоже, утекли тридцать «лимонов» «Буренушки», как молочные реки, в неведомые дали...

– По иронии судьбы, оптовый рынок «Буренушка» известен тем, что в числе его руководителей значатся бывшие сотрудники силовых структур, имеющие немалый опыт в обеспечении охраны важных объектов! – добавил ехидный Митяй напоследок. – Дмитрий Козлевич и Антон Баранов специально для «Новостей дня»!

Я подумала, что кое-чьи дни на нашем телевидении уже сочтены. По-хорошему, мне надо было позвонить на студию и устроить небольшой воспитательный нагоняй замещающему меня шеф-редактору, но сил для этого похвального деяния я в себе не нашла.

– Завтра! – подумала я вслух и выключила телевизор.

Разбудила меня Ирка.

Сначала она просто барабанила в дверь – не очень громко, но бойко и неумоимо, как дрессированный заяц. Под эти ритмичные звуки я еще могла бы подремать, но наличие у моей подруги некоторой доли деликатности и отсутствие электрического звонка недолго ограничивали музыкальный талант исполнительницы. Вскоре к ритмичному стуку добавились глухие притопы, перемежающиеся гулкими ударами: моя энергичная подруга начала всё сильнее пинать бронированную дверь. Полифония стала богаче, дополнилась Иркиным сопрано, и, наконец, мощным крещендо с зубодробительной вибрацией прозвучал угрожающий металлический лязг: это моя изобретательная подружка сильно толкнула плохо закрепленную на стене металлическую лестницу, ве-

душую на чердак.

Некоторое время я слушала этот концерт, тихо радуясь, что на нашей лестничной площадке всего лишь две квартиры, и в соседней живет одинокая старушка с конкретным бзиком. Она прерывает свое затворничество только для того, чтобы поругаться с жильцами, которые надолго оставляют открытыми двери подъезда и собственных квартир, иные проблемы мироздания ее не волнуют. Бабуля дико боится мух и абсолютно уверена, что они могут проникнуть в ее жилище из других квартир, используя как транспортные коридоры вентиляцию и даже канализацию. Как будто в природе бывают мухи-амфибии.

Однако было ясно, что Ирка (гораздо более настойчивая и крупная, чем среднестатистическая муха) не уgomонится, пока не проникнет в мою квартиру.

Я неохотно вылезла из постели и побрела в прихожую.

– Фу-у-у! – шумно выдохнула подруга. – Я уж было подумала, что ты померла!

– Нет еще, – с некоторым сожалением ответила я, закрывая за собой дверь ванной комнаты.

Зеркало над умывальником послушно отразило нечеловеческий лик монгольской панды, не сильно изменившийся со вчерашнего дня. Разве что цветовая гамма синяков стала заметно богаче, дополнившись приятными глазу любителей живой природы нежно-зелеными и светло-желтыми тонами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.